

Чу Фэнцин поджал губы и на мгновение не мог отреагировать. Он подсознательно сделал несколько шагов к двери, но вдруг, что-то вспомнив, обернулся. В этот миг в его глазах, которые никогда раньше не выражали ни печали, ни радости, наконец появился едва уловимый проблеск.

Он посмотрел на Цин Няо и тихо спросил:

— Что случилось?

Цин Няо слегка опешил, возможно, не ожидая, что всегда спокойный и сдержанный Чу Фэнцин может быть таким несдержанным:

— Хозяина ударили ножом, когда он преследовал преступников.

— Где он?

Цин Няо:

— В поместье Цзи.

Чу Фэнцин даже не спросил, насколько серьёзно ранен Цзи Юйцзинь. Он развернулся и направился к поместью Цзи.

Он привык быть тихим и отчуждённым человеком, и из-за астмы родители просили его не волноваться и не проявлять слишком много эмоций. Но в детстве он на самом деле был маленьким плаксом. Он был нерешительным и бежал к родителям и семье в слезах при малейшей неприятности.

Однажды он завёл щенка, и щенок заболел. Своим телом, которое было ненамного больше щенка, он обхватил его и побежал искать старшего брата. Его короткие ножки не могли бежать очень быстро, и он выглядел очень смущённым по пути. Старший брат жалел его и не мог видеть его печальным, поэтому отвёл его к императорскому лекарю и заставил лекаря лечить щенка.

Бедный императорский лекарь, вероятно, никогда в жизни не лечил собаку, поэтому не смог спасти щенка. Щенок умер после того, как его растили всего полмесяца. Он обнимал щенка и плакал безудержно. Это был первый раз, когда он столкнулся со смертью, и «смерть» из существительного стала более конкретной.

Его астма обострилась из-за сильных эмоций, и его лицо покраснело. Как бы он ни старался дышать, он не мог получить необходимый воздух. Это был первый раз, когда он столкнулся со смертью с тех пор, как себя помнил.

В тот раз его семья была по-настоящему напугана. Его старший брат и мать оставались рядом с ним всю ночь, и когда он наконец проснулся, первым, что он увидел, был его старший брат, который никогда раньше не проливал слёз, а теперь рыдал, увидев, что он открыл глаза. В то время его старший брат был ненамного старше его, и его лицо было покрыто слезами и соплями. Он похлопал старшего брата по голове своей пухлой маленькой ручкой, чтобы сказать ему, чтобы тот перестал плакать, но старший брат с отвращением и неловкостью оттолкнул его руку.

После того как он заболел, его мать тоже серьёзно заболела. Отец не позволял ему видеть мать, потому что он был слишком слаб, и они боялись, что она передаст ему болезнь. Однако он пошёл к матери тайком, пока никто не заметил.

Он стоял под окном и, будучи недостаточно высоким, поднялся на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь, но всё равно немного не доставал. С ворчанием он притащил камень, чтобы встать на него, затем осторожно вскарабкался, цепляясь за подоконник, и наконец увидел сцену внутри.

Он увидел императорского лекаря, которого старший брат заставил лечить щенка, теперь проверяющего пульс его матери. Выражение лица лекаря было гораздо более спокойным, чем когда он лечил щенка. Он услышал, как старик с белой бородой сказал его отцу: «Госпожа слишком много волнуется и слишком устала. Вот почему она подорвала здоровье. Ей нужно отдыхать и расслабляться, и она поправится естественным образом».

Чу Фэнцин был тогда ещё мал и не понимал, что такое волнение.

Однако он услышал, как его мать, обычно нежная как вода, теперь была очень взволнована: «Мой Циньэр так страдает в таком юном возрасте. Как я могу не волноваться? Это всё моя вина. Я не дала ему хорошего тела в утробе. Было бы здорово, если бы я могла страдать за него».

Чу Фэнцин смутно понял, что болезнь его матери была вызвана им. Его дыхание стало немного учащённым. Он разжал руки, цеплявшиеся за подоконник, и осторожно спрыгнул вниз. Слёзы навернулись на его большие глаза, и уголки его рта изогнулись вниз.

Он не хотел, чтобы его мать болела, и не хотел быть плохим ребёнком.

Он сидел под подоконником, обхватив ноги руками, слушая, как отец успокаивает мать, слыша её тихие всхлипы и наблюдая, как её слёзы падают одна за другой. Чу Фэнцин плакал беззвучно, не издавая ни звука, потому что чувствовал, что мать и остальные, вероятно, не хотели, чтобы он это слышал, поэтому он не мог издавать ни звука.

Это был первый раз, когда он понял и выучил слово «сдержанность».

С тех пор он сдерживал себя, чтобы не волновать свою семью. Он не мог проявлять слишком много эмоций, ходить слишком быстро, жевать пищу слишком быстро или есть что-либо, что

могло бы вызвать у него болезнь, как бы сильно он этого ни хотел.

Он больше не держит щенка, больше не умоляет старшего брата научить его верховой езде или боевым искусствам, больше не бродит в задний сад срывать цветы, особенно весной; он больше не бегаёт и не играет с сыном дяди, и, как однажды кто-то заметил, ему нельзя злиться...

Маленький мальчик установил для себя три правила, добавляя каждый день ещё одну вещь, которую он не должен делать, просто чтобы не заставлять свою семью волноваться и грустить.

С тех пор характер Чу Фэнцина изменился. Он перестал плакать, и редко можно было увидеть его взволнованным. Его глаза постепенно становились ясными, словно в них не было ни печали, ни радости. Он ходил и ел вежливо и медленно, но с чувством отчуждённости, ровно настолько, чтобы изолировать его от мирского мира.

От него всегда веяло прохладой и отчуждёностью, и это было не потому, что он притворялся утончённым, а потому, что он действительно оборвал свою связь с миром. Все говорили, что он образец благородной семьи, но каждый раз, когда он слышал об этом, он лишь слегка улыбался.

Его старший брат несколько раз искал его, гладил по голове и говорил: «Фэнцин, не нужно так».

Он исключил всё сильное и резкое, включая «волнение».

Когда-то он завидовал старшему брату. Он хотел поехать с ним на границу. Он тоже хотел защищать свою страну и сражаться с врагом, как настоящий мужчина. На какое-то время он начал сомневаться в своей нынешней жизни, потому что не мог найти её ценность. Он не знал, живёт ли он просто ради того, чтобы жить. Просто ради того, чтобы жить, день за днём, год за годом, просто чтобы жить в мире и выживать.

Он не видит будущего.

Пока он не столкнулся с медициной, которая стала его спасительной соломинкой, и он начал усердно её изучать. Это было одно из немногих удовольствий в его жизни. Он не знал, как вели себя другие, когда бунтовали. Его величайший бунт заключался лишь в том, чтобы не спать допоздна, читая медицинские книги.

Чу Фэнцин шёл к поместью Цзи. Его шаги, казалось, были отмерены линейкой. Каждый шаг был одинакового размера. Его спина была прямой, и каждый шаг был очень ровным.

Спустя более десяти лет такой жизни он постепенно привык к этому. Можно даже сказать, что это сознание вросло в его душу. Он сдерживал себя так сильно, что забыл чувство свободы.

Цзи Юйцзинь был случайностью, но эта случайность позволила ему увидеть совершенно другой мир и напомнила о жизни, которой он когда-то жаждал.

Цзи Юйцзинь...

Некоторые вещи, которые он так долго скрывал, так глубоко закопал, более десяти лет, что почти забыл о них, были выкопаны им мало-помалу, и все его усилия более десяти лет рухнули перед ним.

Чу Фэнцин поджал губы, и его шаги начали сбиваться. Его разум был полон образа Цзи Юйцзиня, покрытого кровью. Постепенно его шаги ускорились, словно оковы, которые ранее сковывали его, ослабевали понемногу.

Цзи Юйцзинь беззаботен, но справедлив, терпелив, смел и дотошен... У него бесчисленные достойные восхищения качества. Даже если это не самый славный его миг, можно только представить, каким замечательным он был до того, как стал евнухом.

Такой человек говорит: «Ты мне нравишься», и это звучит как мятежный, неортодоксальный мужчина — бесстрашный и решительный, движущийся вперёд с непоколебимой уверенностью, казалось бы, безразличный к суждениям мира.

Что во мне такого, что может нравиться...

Чу Фэнцин поджал губы и посмотрел на небо. Оно было серым, словно назревала снежная буря. Эта снежная буря назревала уже несколько дней, но так и не разразилась.

Нравится ли ему Цзи Юйцзинь?

Чу Фэнцин никогда раньше не осознавал, что слово «радость» было таким редким в его жизни, и поэтому он по-настоящему не знал, каково это.

Позже Цзи Юйцзинь показал ему на деле, что радость означает делать то, что хочется, и есть то, что нравится, будь то верховая езда или угощения, которые Цзи Юйцзинь покупал для него. Это было радостное и волнующее чувство.

Но теперь Чу Фэнцин понимает это точнее. Радость — это не только восторг и волнение, но и печаль и тревога, сердце, застрявшее в горле, жжение в носу от тоски, беспокойное желание увидеть его и неудержимое желание обнять его.

Чу Фэнцин подумал: «Так вот что такое радость».

Чу Фэнцин приложил палец к губам и легко кашлянул, нахмурился и пошёл быстрее. Наконец

он побежал. Он и впрямь хотел увидеть Цзи Юйцзиня немедленно и услышать, как он что-то скажет. Неважно, что он скажет, лишь бы он был в безопасности.

Его шаги были маленькими, но несколько неуклюжими.

Снег, который так долго задерживался в небесах, наконец спустился, окутав небо пеленой белого за считанные мгновения.

В ушах свистел ветер. В этот миг Чу Фэнцин отбросил всё в сторону и действовал безрассудно.

Его горло горело, словно обожжённое огнём, и его дыхание становилось всё более и более учащённым. Его дыхание звучало ненормально, словно в нём была дыра, и ветер врвался внутрь. Однако он чувствовал себя обновлённым, и его сердце горело.

Расстояние от поместья Чу до поместья Цзи ни далёкое, ни близкое. В этот миг он просто хочет увидеть Цзи Юйцзиня как можно скорее.

Он боялся, боялся, что всё хорошее мимолётно. Он также сожалел, почему всегда был обременён таким количеством забот.

Цзи Юйцзинь, подожди меня, подожди, пока я скажу тебе.

Глаза Управляющего Мо слегка расширились, когда он увидел его. Чу Фэнцин всегда был дотошным, но теперь его одежда и волосы были немного растрёпаны, а на волосах застыл снег.

Неестественный румянец окрасил его бледное лицо, и след крови проступил на губах, но его дыхание было необычно затруднённым. Всё же его черты были слишком тонкими для простого смертного, неся хрупкую, надломленную красоту.

— Где Цзи Юйцзинь...? — спросил Чу Фэнцин.

Он прислонился к двери, задыхаясь, его глаза были слегка красными, одновременно надеясь на новости и боясь их. Сжимая кулаки в попытке удержаться на ногах, он снова открыл необработанную рану, и кровь начала течь снова.

<http://bllate.org/book/17231/1631863>